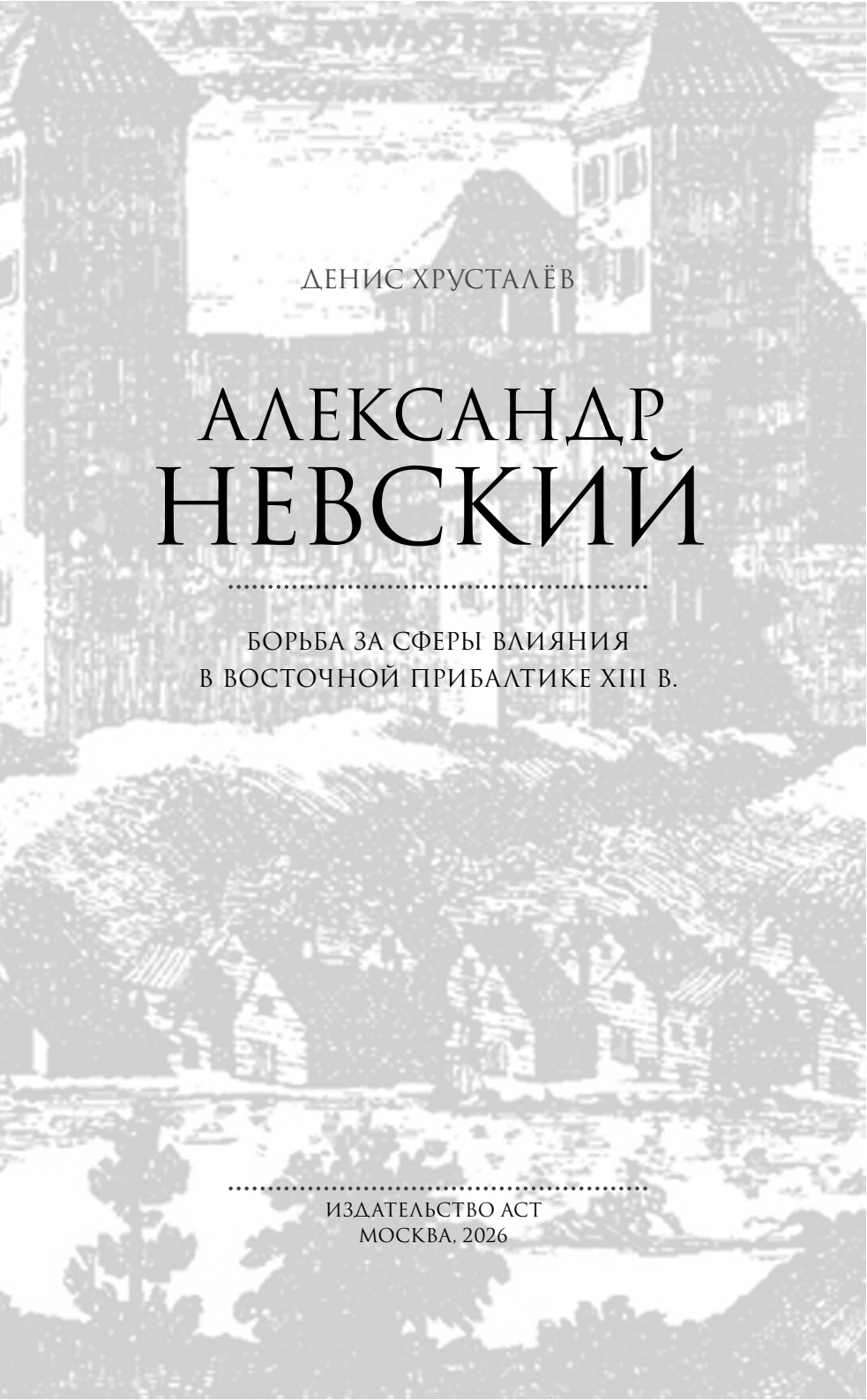

ДЕНИС ХРУСТАЛЁВ

АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ

.....

БОРЬБА ЗА СФЕРЫ ВЛИЯНИЯ
В ВОСТОЧНОЙ ПРИБАЛТИКЕ XIII В.

.....

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА, 2026

УДК 821.161.1-1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Х95

*В оформлении обложки использована центральная часть триптиха
Павла Корина «Александр Невский» (1942).
Государственная Третьяковская галерея*

Хрусталёв, Денис Григорьевич.

Х95 Александр Невский и северные крестоносцы. Борьба за сферы влияния в Восточной Прибалтике XIII в. / Д. Г. Хрусталёв. — Москва: Издательство АСТ, 2026. — 544 с. — (Подлинная история России).

ISBN 978-5-17-185850-6

Денис Хрусталёв — российский историк, исследователь русского и европейского Средневековья. Автор многих научных исследований, включая такие монографии, как «Разыскания о Ефреме Переяславском», «Монгольское нашествие на Русь», «Колдовство на Руси», «Тетради купца Афанасия», «Вызов императора Павла», а также комментированных переводов таких сочинений, как «Происхождение идеи крестового похода» Карла Эрдмана, «Ведьмы из Варбойс» и «Демонология короля Якова».

Представлена история борьбы за сферы влияния в Восточной Прибалтике между русскими княжествами, которые формально владели регионом в XI–XII в., и немецкими миссионерами, крестоносцами, колонистами, оформившими там в XIII в. феодальную конфедерацию, распространившую власть на большинство земель Ливонии, Латгалии и Эстонии. Отдельно выделена история войн этих ливонцев и Швеции с Новгородом за контроль за Финляндией и Карелией, а также покорение областей ижоры и води. Специально обследованы важнейшие сражения тех лет — Невская битва 1240 г., Ледовое побоище 1242 г., Раковорская битва 1268 г. и др. Материал представлен предельно подробно на основе всех доступных источников как отечественных, так и зарубежных: от «натиска на Восток» до встречных завоеваний и деятельности великого князя Александра Невского.

**УДК 821.161.1-1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44**

ISBN 978-5-17-185850-6

© Хрусталёв Денис Григорьевич, текст, 2026
© ООО Издательство «АСТ»

Представлена история борьбы за сферы влияния в Восточной Прибалтике между русскими княжествами, которые формально владели регионом в XI–XII в., и немецкими миссионерами, крестоносцами, колонистами, оформившими там в XIII в. феодальную конфедерацию, распространившую власть на большинство земель Ливонии, Латгалии и Эстонии. Отдельно выделена история войн этих ливонцев и Швеции с Новгородом за контроль над Финляндией и Карелией, а также покорение областей ижоры и води. Специально обследованы важнейшие сражения тех лет — Невская битва 1240 г., Ледовое побоище 1242 г., Раковорская битва 1268 г. и др. Материал представлен предельно подробно на основе всех доступных источников, как отечественных, так и зарубежных.

Введение

Благородный крестоносец и святорусский богатырь — первые образы, которые возникают, когда речь заходит о войнах в Восточной Прибалтике XIII в. Выражения «утраченные возможности», «реализованные преимущества», «натиск», «миссия», «крещение», «борьба» чаще всего встречаются, когда исследователь обращается к истории покорения этих земель. Здесь особенно примечательно переплетаются легендарные основы культурных постулатов таких наций, как русские, немцы, датчане, шведы, латыши, литовцы, эстонцы, финны. Здесь они впервые вступили в противоборство и впервые почувствовали силу соперника. Блеск кроваваго задора европейских христианизаторов столкнулся с дремучей индукцией русской экспансии, упорный латинский прагматизм противопоставил себя глубоководию православного Востока. Могучие эгрегории схлестнулись на ограниченном промежутке времени — фактически 1200–1270 гг. — и на небольшом участке суши — преимущественно территории современной Латвии, Эстонии, Литвы, Ленинградской области и Южной Финляндии.

Нередко историки видят в событиях тех лет основы нынешних политических, культурных и социальных противоречий. Обнаруживают там корни взаимного уважения и непонимания народов, взаимного страха и интереса. На этой основе формируются идеологические концепции и политические течения, развивающиеся сейчас как в странах Балтии, так и в Европе, и в России. В XIII в. области и народы Восточной Прибалтики вошли в мировую историю. Борьба за те земли связала северные государства на долгие годы. Плоды случившегося мы пожинаем и сейчас.

* * *

Для германца освоение Ливонии — героическая страница его истории. Его предки бесстрашно несли слово Божье добрым, но непросвещенным северным язычникам. Сильные духом бюргеры оставляли свои уютные городки и, нашив на грубые одежды крест, отправлялись в далекие комариные земли, где вели борьбу и словом, и делом с бесноватыми нехристями, а также их восточными пособниками — демонами во плоти. Святость и коварство шествовали тогда рука об руку, и не всегда можно отличить одно от другого. Из ливонских лесов вышли немецкие национальные герои — рыцари Немецкого (Тевтонского) ордена, борцы за веру и основатели идеального средневекового государства (Пруссии). Бурые пятна на их плащах, которые отчетливо видят зарубежные исследователи, обычные читатели замечают не всегда.

Восточная колонизация была для Германии эпохой становления нации. Впоследствии именно в покоренных областях — Бранденбург, Пруссия — сформировался основной немецкий государственно-административный центр. Именно Прусское государство стало двигателем объединения страны во второй половине XIX в. — именно прусские короли стали императорами возрожденного рейха. Многовековой натиск на восток был важнейшим элементом германской национальной идеи. Культурное столкновение со славянскими и финно-угорскими народами в Средние века оформилось в цивилизаторские амбиции идеологов позднейших времен: отразилось в культуртрегерстве немецких просветителей, миссионерских образах священнослужителей и нацистской мании превосходства. Клубок исторических реалий XIII в. стал базой для самых разнохарактерных политических течений нашего времени. Удачи и поражения прибалтийского противостояния XIII в. нередко выливались в позднейший реваншизм.

Именно в лесах Прибалтики немцы осознали себя нацией. Не меньшее значение этот регион играл в русской истории. Святой воитель — защитник земли и веры — Александр Невский сложился как личность и политик в ходе боев в Прибалтике. Примечательно, что как в германской, так и в русской истории было немало примеров возрождения образов противостояния XIII в. Иван Грозный в 1558 г. начал войну в Ливонии под предлогом возвращения «юрьевской дани», утраченной после

захвата крестоносцами Юрьева (Тарту) в 1224 г. «Тевтонский воин» зачастую являлся пропагандистским аватаром солдат вермахта в Великой Отечественной войне, а разгром немцев в Ледовом побоище стал важным стимулом для советских солдат, противостоявших реанимированному «натиску на Восток» 1941–1942 гг.

Еще больше, чем для русских и немцев, события XIII в. имеют значение для прибалтийских народов, оказавшихся тогда в котле большой континентальной политики и невольно вызвавших острый цивилизационный конфликт, оформивший раскол Европы на восточную и западную, — конфессиональный, политический и культурный разлом. Отсылки к тем временам регулярно возникают в обиходной речи жителей Прибалтики, а еще чаще в среде ее политиков. Не раз приходится слышать ироничное: «Советская оккупация примирила нас с немцами». Семь веков эстонцы и латыши считали германцев своими порабощателями, а когда эта обуза пала, сработал «хельсинкский синдром» и превратил угнетателей в благодетелей. Действия советской власти усугубили этот альянс, вылившийся в современную колонизационную идилию.

Вскрывая проблемы прошлого, мы помогаем решению современных задач, чистим свое зрение и добавляем света сознанию. И дело не только в отношениях с балтийскими странами. Воспринимая сюжет русско-немецкой борьбы за Прибалтику как малозначимый, мы впадаем в ошибку «азиоцентризма», акцентирующего формирование российской нации под азиатским влиянием. Имеется также риск заметно выхолостить существо культурного размежевания, произошедшего в XIII в. Только внимательный обзор позволяет объемно реконструировать и вскрыть масштабный культурный конфликт, волею судеб выбравший своим эпицентром побережье холодной Балтики.

* * *

Отношение к русским участникам столкновений в Прибалтике определяется как соперничество. Архаичному русскому данничеству противостоит технологичный европейский колониализм, редким кампаниям новгородцев — планомерное завоевание, терпимости к верованиям местных племен — тотальное крещение.

При этом современный российский школьник неизбежно вспомнит штамп, который поставили отечественные исследователи на указанные события: «крестоносная агрессия против прибалтийских народов и Руси». В самое тяжелое для Руси время — период вскоре после монгольского нашествия — ливонские немцы совершили серию попыток по отторжению русских земель на западных границах. И это не только области води и ижоры, которые к русским пока относились условно, но и Псков, и новгородские земли. Только меч Святого князя Александра остановил «коварных интервентов», способных растоптать веру предков и заменить ее «бездушной латиной». Святой князь Довмонт-Тимофей бьется на западных рубежах и возрождает самобытное Псковское княжение — область, более чем часто подвергавшуюся иноземным вторжениям. Такие образы, как Невская битва и Ледовое побоище, затмевают в историографии все остальные события на западных рубежах, не всегда менее значимые и не всегда этого заслужившие.

Яркие символы и сакральные мотивы превращают исследователей в своих пособников. События XX в. особенно заострили ситуацию. К чести западногерманских ученых стоит признать, что именно они первыми переступили узкоидеологические и традиционные представления о теме. Российская же историография только начинает сбрасывать оковы. Однако свести позиции сторон в некий объективный континуум пока не представляется возможным. Во-первых, сами события часто имеют две, а то и три стороны обзора. А во-вторых, не лишен пристрастий сам автор, в нашем случае намеренный транслировать взгляд из России — взгляд, у которого есть свой, неизбежный даже по чисто географическим признакам угол зрения.

* * *

В отличие от многих иных периодов в истории Древней Руси, события русско-немецкого противостояния в Прибалтике XIII в. удивительно хорошо отражены в источниках. Ни одна другая тема не позволяет столь часто осматривать произошедшее сразу с нескольких позиций. От XIII в. в Западной Европе сохранился великолепный актовый материал, папские послания и воззвания к северным крестоносцам, обильно представлена даже переписка участников. Имеется ряд хроник, таких как Хроника

Ливонии Генриха Латвийского (мы используем принятое в российской историографии именование этого автора) и Старшая Ливонская рифмованная хроника неизвестного орденового брата-крестоносца. Русские летописи много говорят о произошедшем. Особенно ценные сведения предоставляет новгородская летопись, а также ряд внелетописных памятников, отразивших обстоятельства войн в Ливонии и Эстонии, — это Житие Александра Невского и «Повесть о Довмонте».

Обилие материала позволяет наглядно представить, сколь различными были взгляды уже у современников. Расхождение точек зрения обнаруживается начиная с XIII в. Так, такое культовое событие российской истории, как Невская битва 1240 г., вообще не упоминается в зарубежных источниках. Ледовое побоище, хотя отмечено как значительное, заметно уступает по объему внимания, например, битве крестоносцев с литовцами при Сауле 1236 г. или при Карузене 1270 г. Значение этих боев для Ливонии действительно сопоставимо. После Саула вообще был поставлен вопрос о существовании немецкой колонии, а главная ударная сила Ливонии — Орден меченосцев — просто перестал существовать: все погибли. В большинстве случаев взгляд с Запада можно понять. Для немцев в Ливонии Ледовое побоище судьбоносным не было. С другой стороны, осада Юрьева в 1224 г. подвела черту под русским господством в Эстонии — зависимая прежде от Новгорода область была утрачена. Но этому в русской летописи уделена лишь одна строчка, а в Хрониках Ливонии — пространная повесть. Взгляд современника не всегда устремлен в том направлении, которое мы сейчас считаем значимым.

Летописный сборник, именуемый Летописью Авраамки, в начальной части которого представлен краткий летописец, составленный в конце 60-х гг. XV в. новгородцем, который озаглавил статью 6748 (1240) г. с описанием Невской битвы и противостояний с крестоносцами князя Александра Невского:

«А се побытье Раковорское» [ЛА. С. 51].

Именно Раковорскую битву 1268 г. новгородцы в XV в. считали кульминационным сражением за Прибалтику, за власть в регионе, за родовую честь и славу. И Невская битва, и Ледовое побоище считались предвестниками Раковора — главного боя эпохи покорения в Северной Европе XIII в., да и позднейших

веков. Примечательным выглядит набор фактов, зафиксированных в пасхальных таблицах одного из рукописных сборников XIV в. [ГИМ. Син. 325]. От того времени сохранилось не так много письменных памятников — почти все летописи представлены позднейшими списками. И этот архаичный сборник описывает XIII столетие, которое лишь недавно закончилось, следующими происшествиями:

- 6723 г. — «Юрєва рать» — Липицкая битва, 1216 г.;
- 6738 г. — «Дороговъ» — голод 1230 г.;
- 6745 г. — «Тотарьско» — монгольское нашествие, 1237–1238 гг.;
- 6760 г. — «Неврюево» — Неврюева рать, 1252 г.;
- 6771 г. — «Олександръ князь прес[тавился]» — смерть Александра Невского, 1263 г.;
- 6772 г. — «Андреи Суздалс[кий]» — смерть великого князя Андрея Ярославича, 1264 г.;
- 6775 г. — «Дмитр немц[ы] взя» — Раковорский поход, 1268 г.

И еще рядом позднейших событий¹. Ни битва на Калке, ни войны за Киев, ни борьба за Галич, ни Невская битва, ни Ледовое побоище — ничего не упомянуто в этой подборке. Таков взгляд ближайшего потомка. И такие необычные выкладки можно встретить в источниках не раз. Так, в Волынской краткой летописи из Супрасльского монастыря (начало XVI в.) для XIII в. отмечено шесть событий:

- 1204 г. — «Взяша латыня Царьград», захват крестоносцами Константинополя;
- 1224 г. — битва на Калке;
- 1230 г. — голод в Смоленске;
- 1237 г. — Батыево нашествие;
- 1240 г. — «Взятие Киевское от царя Батыя. [Т]ого же лета побоище Ледове», то есть захват монголами Киева (1240) и Ледовое побоище (1242);
- 1268 г. — «Раковское побоище» [БЛ. С. 120].

Такая разметка позволяет охарактеризовать взгляд людей Средневековья на свою историю. На расстоянии, конечно, видно лучше, но и эта позиция преподносит неожиданности.

Особенно показательными можно признать наблюдения над трактовкой исследователями значения для современников

и потомков Ледового побоища. Традиционный, закрепившийся в советской послевоенной историографии взгляд на события 1242 г. составляет признание их сверхрешающего значения. В. Т. Пашуто писал про Ледовое побоище:

«Этой крупнейшей битвой раннего европейского средневековья впервые в истории был положен предел грабительскому продвижению на восток, которое немецкие правители непрерывно осуществляли в течение нескольких столетий» [Пашуто 1956. С. 190].

Ледовое побоище выступает сыгравшим «решающую роль в борьбе литовского народа за независимость». Считалось и считается, что западные крестоносцы, «памятуя о разгроме на льду Чудского озера», впоследствии «редко решались на новые военные акции против русских земель» [Кучкин 1999. С. 137]. Академик М. Н. Тихомиров называл 5 апреля 1242 г. «величайшей датой», а Ледовое побоище — «знаменательной битвой», сопоставимой лишь с Грюнвальдским сражением 1410 г. [Тихомиров 1975. С. 336–337]. Однако в ходе Грюнвальдского сражения было полностью уничтожено чуть ли не всё войско Тевтонского ордена, включая магистра, а в Ледовом побоище погибло только 20 рыцарей.

Зарубежные исследователи пытались противопоставить этому пропагандистскому задору холод скептицизма, который порой так же переходил за грани научной компетенции. Дж. Феннел считал, что Невская битва и Ледовое побоище — это «относительно мелкие победы» [Феннел 1989. С. 142]. С этим продолжают соглашаться многие исследователи, желающие подчеркнуть «прогрессивность» своих взглядов.

Далее для трезвой оценки произошедшего мы постараемся размещать свои взгляды в нескольких хронологических и географических точках. Даже для Руси Ледовое побоище не может считаться «относительно мелким». Превосходящими по количеству участников выступают только бои с монголами. Но здесь ли расположен смысловой ориентир для событий прибалтийской колонизации? Не секрет, что после Ледового побоища (1242 г.) уже в 1253 г. немцы опять пытались захватить Псков, а после Невской битвы (1240 г.) шведы уже в 1256 г. высадились на Нарве. Что же произошло? Десятилетний перерыв в войне? Или перелом мировой истории?

Вовсе не 1242 г. исследователи чаще всего ограничивают период активной борьбы и окончательного формирования границ в Прибалтике. И Пашуто, и Тихомиров доводили свои исследования до 1270 г., завершая рассказ описанием последствий Раковорской битвы (1268 г.). Тот же хронологический репер можно встретить у других современных исследователей (В. И. Матузова, Е. Л. Назарова, др.). Некоторые однозначно указывают на завершающее значение Раковорского похода [Кочкурина 1986. С. 110; Urban 2003. Р. 105].

Нет единства в среде зарубежных историков. Знаменитый французский медиевист Ж. Ле Гофф считал, что «экспансия немецких рыцарей на Восток была остановлена новгородским князем Александром Невским, разбившим их в битве на Чудском (или Пейпус) озере в 1242 году» [Ле Гофф 2001. С. 55]. Рубежное значение этого события выделяет «История Эстонии», изданная в 2002 г. [НЕ. Р. 62]. Однако в «Очерках истории эстонского народа», изданных в 1992 г., ведущие эстонские историки даже не упомянули Ледового побоища [Лаар Валк Вахтре 1992. С. 34–35].

Та же ситуация проступает в отношении Раковорской битвы. Одни считают ее важнейшим русско-ливонским боестолкновением XIII в. [Pagel Kirss 2008. S. 18], а другие забывают указать [Christiansen, 1997. Р. 113].

Причины описанного лежат именно в различии взглядов на одни и те же события, что можно отметить уже у средневековых авторов. Выработка единой концепции истории Прибалтики XIII в., вероятно, дело далекого будущего. Но у нас есть возможность сделать шаг в этом направлении. Шаг тем более заметный, что предшественников у него немного.

Собственно обобщающих трудов по истории Ливонии — Латвии, Эстонии — за 150 лет исследований издано столько, что на пальцах можно сосчитать. А если сузить обзор и взять только издания на русском, то нет ничего более подробного, чем сочинение Е. В. Чешихина «История Ливонии», которое увидело свет более 140 лет назад. Группа краеведов-подвижников, живших в остзейских губерниях в XIX в. (К. Э. Напьерский, Ф. Г. Бунге, Э. Пабст, И. Паукер и др.), подарила нам чуть ли не лучшие сочинения по балтийской истории XIII в. Позднее отечественные исследователи мало чем обогатили

этот задел. В первые десятилетия XX в. эта тема фактически оказалась на периферии научных интересов отечественных специалистов. Всплеск внимания фиксируется лишь на рубеже 1930–1940-х гг. Однако это выразилось в развитии почти исключительно научно-популярного жанра, призванного в агитационных целях вынести на суд публики сочинения со следующими названиями:

— Ивашин И. Немецкая колонизация Прибалтики и планы восточного реванша Гитлера (Исторический журнал. 1937. № 8. С. 73–84);

— Строков А. А. Разгром немецких «псов-рыцарей» на льду Чудского озера в 1242 году (НИС. 1938. Вып. III–IV. С. 3–23);

— Богусевич В. А. Уничтожение Александром Невским немецко-рыцарского войска в Копорье (НИС. 1938. Вып. III–IV. С. 24–38);

— Берхин И. Борьба русского народа против немецких и шведских интервентов в XIII веке (Молодой большевик. 1939. № 8. С. 38–45);

— Бахрушин С. В. Александр Невский и борьба русского народа с германской агрессией в XIII веке (Вестник АН СССР. 1942. № 4. С. 58–71);

— Грацианский Н. П. Борьба славян и народов Прибалтики с немецкой агрессией в средние века (М., 1943).

Причины и цель появления таких работ в тяжелое для страны время понятны, но с прискорбием следует признать, что за рамками этого периода успехи историков оставались весьма скромными. Фактически теме участия Руси в борьбе за сферы влияния в Прибалтике посвящены только две большие работы, ангажированность которых выступает уже в названии:

1. **Тихомиров М. Н.** Борьба русского народа с немецкими интервентами в XII–XV вв. — первое издание: М., 1941; последнее издание: М., 1975 (в рамках сборника работ академика **Тихомирова М. Н.** «Древняя Русь» — М., 1975. С. 303–367).

2. **Паушто В. Т.** Героическая борьба русского народа за независимость (XIII век). М., 1956.

Видные специалисты вынуждены были пропитывать свои исследования пафосными красками национальной героики. Не обошла эта участь и другие работы, посвященные рассмотрению отдельных вопросов из темы. Так, светлым пятном и редким

исключением можно назвать труды Игоря Павловича Шаскольского (1918–1995), посвященные противостоянию Руси и Швеции в Финляндии, а также на Неве. Выдающимся по качеству и охвату следует признать комплекс статей Евгении Львовны Назаровой, посвятившей отдельные работы чуть ли не всем аспектам русско-ливонских отношений XIII в. Отчаянно жаль, что ученая так и не собрала до сих пор свои статьи под одну обложку, под которой должен был сложиться труд, существенно снизивший бы сарказм в отношении отечественных монографических обзоров.

Я не ставлю перед собой цели воссоздать на новой основе труд Чехихина. Во-первых, хронологический охват существенно уже (Чехихин описал все до Ливонской войны XVI в.) — здесь представлены события только до 1270 г., как период наиболее интенсивных и знаковых противостояний в Восточной Прибалтике. Во-вторых, принят существенно более узкий тематический пласт — интересует не история Ливонии во всем объеме, но только участие Руси. В-третьих, географически мы направляем взор на области преимущественно Восточной Прибалтики, включая те, что севернее Даугавы — приоритетная зона русско-ливонских конфликтов — и побережья Финского залива в целом (это территории современной Северной Латвии, Эстонии, Ленинградской области и Южной Финляндии). История Курляндии, Земгалии, Литвы и Пруссии будет нас интересовать только в качестве фона.

Основной посыл, с которым я бы хотел встретить читателя, — это стремление не только увести внимание от идеологических и политических тем, но не обрушить его в пропасть политкорректности. Гордиться своей историей мы хотим не только при розово-поэтическом или умильно-героическом её освещении, но и во всем объеме, во всех неприглядностях и благородстве, во всей грубости и блеске: гордиться не тем, что тогда все было красиво, честно и хорошо, а тем, что там было всё.

* * *

Пользуясь случаем, хочу выразить безмерную благодарность и признательность профессору Тартуского университета Анти Селарту, видному историку и специалисту своего дела,